

в членстве в комиссии при казачьем штабе войска Донского, в публикации статей антисоветского характера. 18 июля 1946 г. И. был осужден военным трибуналом войск МВД по Ростовской обл., окончательная мера наказания определена Военной коллегией Верховного суда СССР 31 дек. 1946 г.: 5 лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества (реабилитирован 10 июля 1996).

В 1951–1956 гг. И. являлся доцентом кафедры византологии и греч. языка МДА, одновременно исполнял обязанности секретаря Учебного комитета Свящ. Синода. В 1952 г., после защиты дис. «Критические издания греческого Нового Завета и общепринятый православную Церковью текст», получил ученую степень магистра богословия. В диссертации И. критиковал нем. протестант. библеистов за субъективизм, отрицательно оценивал издание НЗ под ред. Э. Нестле, считал наиболее авторитетным визант. текст (*textus receptus*), указывал на важность для текстологии НЗ *лекционариев*. И. высказал предположение о происхождении ряда древнейших кодексов, в частности Синайского, Ватиканского, из «неправославных кругов». И. принадлежит ценный обзор древних новозаветных рукописей и переводов: «Текстуальные памятники священных новозаветных писаний» (БТ. 1959. Сб. 1. С. 53–83). Проблемам текстологии Свящ. Писания посвящен ряд статей И., опубликованных в «Журнале Московской Патриархии»: «К вопросу о восстановлении первоначального греческого текста Нового Завета» (1954. № 3. С. 38–50); «Новый перевод на русский язык Евангелия от Матфея» (1954. № 4. С. 45–55; № 5. С. 38–47); «Новое критическое издание греческого текста Нового Завета» (1956. № 3. С. 49–58; № 4. С. 49–58; № 5. С. 43–52); «О новооткрытом памятнике священной новозаветной письменности» (1959. № 8. С. 79–80) и др. Концепции И. подверглись критике правосл. библеистов (см.: *К. Л. [Логачёв К. И.] Критические издания текстов Священного Писания, III: (Критические издания греч. текста Нового Завета)* // ЖМП. 1972. № 9. С. 78).

В 1956–1961 гг. И. являлся профессором кафедры византологии и общей церковной истории ЛДА, ученым секретарем Совета академии.

В 1960 г. за труд «История Византийской Церкви: от Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской» (Т. 1. 2 ч.) И. была присвоена ученая степень д-ра церковной истории. В 1961 г. И. вышел на пенсию, в 1960–1970 гг. занимался преимущественно изучением лит. наследия прп. *Максима Грека*, составил каталог сочинений ученого монаха: «Литературное наследие Максима Грека» (Л., 1969; не все предложенные И. атрибуции являются бесспорными).

И. — автор ок. 100 трудов, посвященных вопросам библеистики, церковной и гражданской истории, совр. церковной жизни. Статьи исследователя публиковались в ЖМП, в сб. «Богословские труды» (в течение ряда лет И. являлся членом редколлегии этих изданий), в «Византийском временнике», в «Исторических записках» АН СССР, в ТОДРЛ. И. похоронен на Киновеевском кладбище в С.-Петербурге.

Соч.: Новейшая реконструкция греч. текста Нового Завета // ЖМП. Н. с. 1915. Ч. 58. № 8. С. 327–342; Новозаветные писания по новейшему восстановлению их подлинного текста // ТКДА. 1916. № 7/8. С. 269–298; Миланский эдикт и его значение // ЖМП. 1953. № 6. С. 51–55; Захват К-поля латинянами в 1204 г. // Там же. 1954. № 10. С. 64–73; Из истории взаимоотношений Англиканской и православной Церквей // Там же. № 11. С. 47–58; Православие в Америке // Там же. 1955. № 1. С. 44–55; № 3. С. 69–76; Вера и знание по учению христианских философов II–III вв. // Там же. № 5. С. 53–60; Рус. Православная Церковь и Правосл. Восток // Там же. 1956. № 6. С. 55–62; № 7. С. 58–63; Греч. Восток в трудах рус. уч. историков // Там же. 1960. № 10. С. 45–52; К вопросу о нестыжательских взглядах Максима Грека // ВВ. 1969. Т. 29. С. 135–147; Максим Грек и итальянское Возрождение // Там же. 1972. Т. 33. С. 140–157; 1973. Т. 34. С. 112–121; О пребывании Максима Грека в доминиканском мон-ре св. Марка во Флоренции // БТ. 1973. Сб. 11. С. 112–119; Максим Грек и Савонарола // Там же. 1974. Сб. 12. С. 184–208; Максим Грек как ученый на фоне современной ему рус. образованности // Там же. 1976. Сб. 16. С. 142–187; Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела» Максима Грека // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 284–298; Несколько замечаний к вопросу о лексиконе «Свида» // БТ. 1978. Сб. 18. С. 223–230. Лит.: *Бронский В.* Проф. А. И. Иванов: [Некролог] // ЖМП. 1977. № 11. С. 25–26; *Максимова Н. Д.* Первый директор Владимирского музея // Рождественский сб. Ковров, 1996. Вып. 3. С. 108–111.

Н. Д. Максимова

ИВАНОВ Вячеслав Иванович (16.02.1866, Москва — 16.07.1949, Рим), поэт, мыслитель, филолог, переводчик. Отец И. — мелкий чиновник, землемер. Рано осиротевшего

В. И. Иванов.

Рис. К. А. Сомова. 1907 г. (ГТГ)

(1871) И. воспитала мать. С ней он разделял детскую глубокую живую веру в Бога и укорененность в наивно-правосл. быте. Мать привила сыну и сентиментально-романтическое представление о высоком назначении поэзии и поэта в мире, также легшее в основу мироощущения и миропонимания И. В гимназические годы (1875–1884; окончил 1-ю московскую гимназию с золотой медалью) уже проявляются характерные черты и склонности И.: «Из мальчика заносчивого и деспотического я сделался сдержанным и образцовым по корректности воспитанником» (Автобиография 1917: [Письмо к С. А. Венгеру] // Русская лит-ра XX в. / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1918. Т. 3. Кн. 8; цит. по изд.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. 1974. Т. 2. С. 13 (в тексте — Соч. с указанием тома)). «Старомодную» изысканную вежливость отмечали в облике И. все мемуаристы. И. усваивает привычку к постоянным и напряженным умственным занятиям: «...во внешней жизни эта эпоха определилась для меня, как начало долгого и сурового труженичества» (Автобиография 1917 // Соч. Т. 2. С. 13).

В 1884 г. И. поступил на историко-филологический фак-т Московского ун-та. Определившееся еще на школьной скамье пристрастие к классической древности сочеталось в И. с увлечением революционными настроениями. Тогда же кризис детской веры привел И. к пессимистическому атеизму (с попыткой самоубийства). В ун-те способности И.

обратили на себя внимание профессуры, прежде всего историка П. Г. Виноградова; уже на 1-м курсе И. получил филологическую премию «за особые успехи по древним языкам» (Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1884 г. М., 1885. С. 26). Однако по окончании 2-го курса (1886) И. оставил Московский университет и уехал за границу; много позже он объяснял свое решение новым мировоззренческим кризисом: логика вещей неминуемо влекла его к активной подпольной деятельности, хотя он и потерял всякую убежденность в ее справедливости и необходимости (Там же. С. 15). Вплоть до 1905 г. И. появлялся в России лишь короткими наездами.

И. с женой (женится в 1886 на Д. М. Дмитриевской, 1864–1933) обосновался в Берлине, где продолжил учебу, занимаясь экономико-юридическими аспектами рим. истории; становлением И. как ученого руководили О. Гиршфельд и Т. Моммзен; об ученичестве у последнего И. всегда вспоминал с гордостью (О Моммзене // Весы. 1904. № 11. С. 46–48; Автобиография 1917 // Соч. Т. 2. С. 16–21; *Альтман*. 1995. С. 30–31). По окончании курса (1891) И. принялся за диссертацию о рим. откупах. Он жил в Париже, побывал в Лондоне, позже переехал в Италию. Странствия по Европе означали для И. продолжение и углубление образования: он изучал памятники культуры, прежде всего античности, — нарабатывалась восхищавшая и часто подавлявшая его современников гуманитарная эрудиция И., прекрасно структурированная классической нем. школой и философски осмысленная. Круг общения И. в это время — молодые рус. ученые, работавшие за границей (И. М. Гревс, С. А. Котляревский, М. И. Ростовцев, М. Н. Сперанский), нем. филолог-византист К. Крумбахер и др. (в Берлине Ивановы сдружились также с ученым свящ. Алексеем Мальцевым). Со многими из них устанавливаются на долгие годы дружеские отношения, особенно близкие — с историком Гревсом. В мире академической интеллигенции И. навсегда останется «почти своим».

Еще в школьные годы И. испытывает «страсть к Достоевскому» (Автобиография 1917 // Соч. Т. 2. С. 14). «Как только я очутился за рубежом, — писал позже И., — забродили во мне искания мистические и про-

будилась потребность сознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова» (Там же. С. 18). С нач. 90-х гг. XIX в. И. захватывает изучение Ф. Ницше. Скоро, однако, увлечение нем. философией превратилось в многолетний внутренний спор с ним, в котором ницшеанскому антихристианству, индивидуализму, культу самоутверждающей силы И. в конце концов противопоставил христ. ценности самопожертвования во имя спасительного единения человечества; «кристаллизированы... Да и Нет ницшеанству» (*Брюсов*. 1976. С. 442) только в 1903 г. в ст. «Ницше и Дионис» (*Весы*. 1904. № 5). В ницшеанских терминах И. сознал свой самый значительный жизненный кризис (Автобиография 1917 // Соч. Т. 2. С. 19): в 1894 г. он встретил Л. Д. Зиновьеву (лит. псевдоним — Л. Д. Зиновьева-Аннибал), ради которой в 1895 г. оставил жену и дочь («Я развелся с Дмитриевской, очень сурово и жестоко это было, но я тогда был ницшеанцем, и это мне помогло. Теперь я это воспринимаю как убийство, ибо жизнь Дмитриевской оказалась совершенно разбитой, а наша дочь сошла с ума» — *Альтман*. 1995. С. 48).

Первые поэтические упражнения И. относятся к детской поре, с гимназических лет он писал постоянно и много, но ранние его опыты до сих пор известны только по рукописям в архивах (за считанными исключениями — несколько стихотворений 80-х гг. поэт включил в первые книги «Кормчие звезды» и «Прозрачность», еще неск. пьес опубликованы в научной печати в последние годы). Живя за границей, И. ради заработка некоторое время занимался мелкой журналистской работой, его материалы появлялись без подписи или за подписью его патрона Г. С. Веселитского-Божидаровича в «Московских ведомостях» и «Гражданине» (1888). Но поэзия И. до 1895 г. не выходила из круга семьи и ближайших друзей. Поэтическим дебютом И. обязан 1-й жене. Летом 1895 г., когда был решен семейный разрыв, она показала рукопись сборника стихотворений И. Вл. С. *Соловьёву*, который высоко оценил дарование безвестного стихотворца и предложил свою помощь в издании книги (И. познакомился с Соловьёвым лично осенью 1895). И. сознавал исключительность для открывшегося ему творческого пути «доницшеанского»

лирического опыта, отложившегося в стихотворениях, включенных в этот сборник, а Д. М. Иванова хотела, чтобы он стал памятником ее жизни с И., и противилась включению «дионисийских» стихов, продиктованных появлением соперницы. В результате окончательное оформление корпуса ранней лирики совершилось только в «Кормчих звездах».

И. получил развод с Д. М. Ивановой в мае 1896 г., с воспрещением ему навсегда (по церковному канону, как виновному в прелюбодеянии) возможности нового брака (ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 298. Д. 834. Л. 2–3). Бракоразводный процесс Зиновьевой затянулся до 1899 г. Ее муж К. С. Шварц-салон настаивал на передаче ему 3 его детей от брака с Зиновьевой (буд. пасынков и падчерицы И.). И. и Зиновьева были вынуждены скрываться от него, вели полулегальную жизнь, кочуя по Европе, к чему принуждала их необходимость обучения детей в различных частных школах. Они жили в Италии, в Англии, во Франции, в Швейцарии. В 1899 г. И. и Зиновьева, нарушая церковный и гражданский законы, венчаются у греч. правосл. священника в Ливорно.

Диссертация И., законченная в 1895 г., получила одобрение Гиршфельда и Моммзена, но от докторского диспута И. отказался: его самолюбие не желало мириться с малейшей возможностью неудачи на предварительном экзамене (Автобиография 1917 // Соч. Т. 2. С. 21). В дальнейшем к работам в этой области И. не возвращался (латиноязычная диссертация была изд.: *De societatis vectigalium publicorum populi Romani*. St.-Pb., 1910). И. всецело захватывает религиозно-историческая проблематика. Он собирает «материалы для исследования... корней римской веры во вселенскую миссию Рима» (Автобиография 1917 // Соч. Т. 2. С. 21), а позднее погружается в историю древнегреч. дионисийских культов. Здесь, на почве исконно ницшеанской проблематики — отношения индивидуума и множества (рода, толпы, народа), рождения трагедии из культового действия, очищения в бунте и «правом безумии» и т. д., — И. ищет ответы на коренные запросы современности, общественной жизни и искусства. Он работает в Афинах (откуда предпринимает путешествие в Египет и Палестину). В нач. XX в. семья И. сни-

мала дом в Женеве, куда приезжали многочисленные рус. друзья и знакомые (в частности, в 1904 — М. А. Волошин, С. А. Поляков, М. Н. Семёнов, В. Ф. Эрн). Полноправным членом семьи становится М. М. Замятина, подруга Зиновьевой, до самой смерти ведшая дом Ивановых, часто выполнявшая секретарскую работу для И.

И. писал, что благодаря встрече с Зиновьевой в нем «впервые раскрылся и осознал себя вольно и уверенно поэт» (Там же. С. 20). Поэтическое призвание для И. было тождественно пророческому, что делало необходимым общественное служение, обращение к народу. Связи И. с рус. лит. кругами были весьма опосредствованными, по академическим и дружеским каналам попадают в печать первые его публикации — несколько стихотворений в журналах «Cosmopolis» (1898. № 11), «Вестник Европы» (1898. № 9; 1899. № 6) и перевод оды Пиндара (ЖМНП. 1899. № 8). Формирование 1-й книги шло медленно и с большими колебаниями: поэт нек-рое время вынашивал замысел соединения в ней стихотворных и теоретических работ, через к-рые читатель должен был последовательно уяснить мировоззрение, определившее позицию автора, но позже от этого плана отказался; «Кормчие звезды», печатавшиеся И. на свой счет, появились в 1903 г. (СПб.); название книги одобрил Вл. Соловьёв (Соч. Т. 1. С. 41).

С выходом в свет «Кормчих звезд» массовая критика надолго устанавливает за И. репутацию «Третьяковского наших дней» (рец.: *Ашешов Н.* // *Образование.* 1903. № 12. 3-я паг. С. 119; см. также: *Рус. ведомости.* 1903. 21 апр.; *К[у]рс[инский] А. А.* // *Курьер.* 1903. 27 мая). Из критиков книги один В. Я. Брюсов увидел, что И. — «настоящий художник, понимающий современные задачи стиха... истинно современный человек, причастный всем нашим исканиям, недоумениям, тревогам» (Новый путь. 1903. № 3. С. 213–214).

В мае 1903 г. в парижской Высшей рус. школе общественных наук И. читает курс лекций по истории дионисийских культов; курс произвел большое впечатление, по отзывам, полученным из Парижа, на Д. С. Мережковского, к-рый и опубликовал его под названием «Эллинская религия страдающего бога» в своем ж. «Новый путь» (1904. № 1–3, 5, 8–9; *Религия Диониса* // *Вопросы жиз-*

ни. 1905. № 6–7; отд. изд., набравшееся в нач. 10-х гг. XX в. и объявленное к выходу в изд-ве «Мусaget», позднее в изд-ве М. и С. Сабашниковых, погибло при пожаре в окт. 1917). На лекции в Париже И. познакомился с Брюсовым, с к-рым завязались дружеские отношения (см. их переписку: *Брюсов.* 1976). Весной — летом 1904 г. И. с женой в гостях в Москве; в кругу символистов устанавливается авторитет И., поэта и теоретика, одного из лидеров школы. В 1904 г. московское изд-во «Скорпион» выпустило 2-ю книгу стихов И. «Прозрачность», с восторгом принятую символистами (рец.: *Блок А.* // *Новый путь.* 1904. № 6; *Брюсов В.* // *Весы.* 1907. № 2; см. также рец.: *Ашешов Н.* // *Образование.* 1904. № 8; *Тарский К.* // *Моск. вед.* 1904. 28 мая). И. деятельно сотрудничает в ж. «Весы», к-рый хотел бы превратить в «орган самоопределения нашей секты» (*Брюсов.* 1976. С. 459), предполагая, что «весовский» кружок может эволюционировать под знаком теургического искусства, религ. творчества. По всей видимости, быстрое разочарование в этих расчетах побудило И. по возвращении в Россию обосноваться не в Москве, а в С.-Петербурге, где он надеялся встретить большее понимание в среде, породившей «религиозно-философские собрания» и ж. «Новый путь».

С осени 1905 г. с.-петербургский дом И., известный как «башня Вячеслава Иванова» (поскольку квартира — Таврическая ул., 25 — находилась на последнем этаже в угловой башне), становится самым ярким рус. лит. салоном XX в.; журфикс (т. н. ивановские среды) принимал весь модернистски ориентированный круг с.-петербургской артистической интеллигенции: литераторов, художников (прежде всего представителей художественного объединения «Мир искусства», особенно близкие отношения у И. устанавливаются с М. В. Добужинским, К. А. Сомовым, Л. С. Бакстом), музыкантов (участников кружка «Вечера современной музыки», И. сдружился с В. Ф. Нувелем, А. П. Нуроком), актеров (труппу театра В. Ф. Комиссаржевской, самая тесная связь устанавливается с В. Э. Мейерхольдом), философов (в т. ч. заметную роль играет Н. А. Бердяев), ученых и т. д. (см.: *Бердяев.* 1916, а также: *Лит. наследство.* 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 233–

236, 238, 246). Вокруг И. собирается молодежь, к-рая находит у него понимание и поддержку в духовных и лит. исканиях; особенно заметна роль И. в становлении Г. И. Чулкова, С. М. Городецкого, М. Л. Гофмана, А. К. и Е. К. Герцык. Сравнительно скоро «среды» ввиду наплыва случайной публики были отменены хозяевами, но вплоть до отъезда летом 1912 г. И. в Италию его дом оставался центром притяжения, своеобразной художнической колонией, где всегда гостили друзья (в частности, Андрей Белый, М. О. Гершензон), долгое время постоянно жил М. А. Кузмин, собирались интимные кружки: об-во «гафизитов» (см.: *Богомолов Н. А.* Эпизод петербургской культурной жизни 1906–1907 гг. // *Блоковский сб.* Тарту, 1988. Вып. 8: *А. Блок и революция 1905 г.* С. 95–111), особый кружок женщин (хозяйка дома, Л. Д. Блок, Н. Г. Чулкова) и т. п., где все на манер барочных итал. академий имели прозвища и где царил атмосфера утонченной игры (естественно разрешившаяся, в частности, в 1910 знаменитой постановкой на «башне» Мейерхольдом драмы Кальдерона «Поклонение кресту»).

В пору 1-й рус. революции на «башне» господствовали радикальные настроения (И. откликнулся на события русско-япон. войны и революции циклом «Година гнева», вошедшим в сб. «Cor ardens» (Пламенеющее сердце) (Ч. 1; см.: *Корецкая И. В.* Цикл стихотворений Иванова «Година гнева» // *Революция 1905–1907 гг. и лит-ра.* М., 1978. С. 115–138)), у И. расположился своего рода «корреспондентский пункт» рус. и иностранных журналистов, аккредитованных при I Гос. думе. На «башне» 3 янв. 1906 г. произошла встреча М. Горького с художниками и писателями — организаторами радикального ж. «Адская почта» и театра «Факелы», в которых ближайшее участие принимал И. (см.: *Карасик З. М.* М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта» // *М. Горький в эпоху революции 1905–1907 гг.* М., 1957. С. 378, 382–383).

Под определяющим влиянием И., проповедовавшего «хоровое» начало в культуре, ставившего задачу преодоления индивидуализма и через мифотворческое волевое искусство выхода к «соборности», к надъиндивидуальной религ. общности людей,

внутри символизма к 1906–1909 гг. складывается «петербургское» крыло (др. авторитетом которого был А. А. Блок, в это время близко стоявший к И.); его противники сплотились на традиц. для школы платформе самоценного, «внеэтического» искусства. Идеи И. получили вульгаризированное истолкование в «мистическом анархизме» Чулкова — понятие, использовавшееся расширительно для обозначения всей «петербургской» группы, органом к-рой стал ж. «Золотое руно» (и в какой-то мере альманах «Факелы» — и там и там были опубликованы программные материалы И.). Органом противников, «москвичей» (во главе с Брюсовым, кроме него — З. Н. Гиппиус, Андрей Белый, Эллис и др.), был ж. «Весы», где, однако, И., настойчиво сохранявший независимость личной позиции, также печатался. В 1907 г. И. организует собственное изд-во «Оры», к-рое должно было стать прибежищем «петербуржцев», поскольку «Скорпион» был собственностью «москвичей»; финансово не обеспеченные, «Оры» издали всего неск. книг (Зиновьевой-Аннибал и И., а также Блока, А. М. Ремизова, Чулкова, Городецкого, Кузмина, А. Д. Скалдина, В. В. Бородаевского — ближайших друзей И.).

Теоретические установки на преодоление индивидуализма И. и Зиновьева пытались осуществить и в жизни, что привело их к экспериментированию, характерному для эпохи, — не только со своей жизнью, но и с чужими: семейный союз «двух» они хотели превратить в союз «трех», с тем чтобы позднее он стал союзом «многих» и «всех»; в него пытались включить Городецкого, жену Волошина — М. В. Волошину (что послужило одной из причин распада этой семьи — Соч. Т. 1. С. 94–105; Т. 2. С. 754–767). Осенью 1907 г. Зиновьева умерла: она заразилась скарлатиной, помогая больным в деревне, где свирепствовала эпидемия. В И. всю оставшуюся жизнь жила убежденность, что он сохраняет общение с женой не только в памяти, но и в видениях, снах, сеансах т. н. автоматического письма (записи к-рых имеются в архивах); И. настаивал на том, что именно она указала ему на свою дочь от 1-го брака, В. К. Шварсалон, как на преемницу (брак И. с падчерицей совершился в 1910, также за границей у греч. священника).

В 1909 г. И. издал отдельной кн. «По звездам» (СПб.) важнейшие статьи 1904–1909 гг., на к-рых основывалось признание его главным — рядом с Андреем Белым — теоретиком символизма (рец.: *Адрианов С. А.* Критические наброски // ВЕ. 1909. № 10; *Бердяев Н. А.* // Моск. еженедельник. 1909. № 42; *Аякс [Измайлов А. А.]* // Биржевые вед. Вечерний вып. 1909. 20 авг.; *Г. Т. [Пастевен]* // Золотое Руно. 1909. № 6; *Франк С. Л.* Артистическое народничество // РМ. 1910. № 1; *Эллис [Кобылинский Л. Л.]* // Весы. 1909. № 8). После раскола в 1906–1909 гг. символизм воссоединился как школа «младших», ее возглавили Андрей Белый, Блок и И. Организационным центром стало московское изд-во «Мусaget» с ж. «Труды и дни». Огромное влияние оказал И. на с.-петербургскую лит. молодежь. На «башне» с весны 1909 г. собирается «поэтическая академия», вскоре институализировавшаяся как Об-во ревнителей художественного слова; через нее прошли Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, В. В. Хлебников и мн. др. Ведущую роль наряду с И. Ф. Анненским и Кузминым играет И. на первых порах в ж. «Аполлон», начавшем выходить с осени 1909 г.

Еще перед лицом внутрисимволистского раздора И. сформулировал свою принципиальную установку — «единственная борьба, в которой я намереваюсь участвовать, — есть борьба за утвердившиеся в моем духе ценности религиозного сознания» (*Брюсов*. 1976. С. 514). На рубеже 1900 и 1910 гг. он играет одну из главных ролей в с.-петербургском Религиозно-философском об-ве, руководит его Христианской секцией. Многое во взглядах И. по-прежнему определяется внецерковной мистикой, устремлениями вероисповедного синкретизма, в нем живет напряженный интерес к *теософии* (дружба с А. Р. Минцловой в 1908–1910), позже — к *антропософии*, но все явственнее обозначается эволюция от религ. адогматизма к признанию церковного авторитета (в частности, в 1912, после неудачной попытки установить личный контакт с нем. антропософом Р. Штайнером, И. резко отмежевывается от антропософии, тогда как большинство «мусagetцев» во главе с Андреем Белым оказывается рьяными антропософами).

В эстетике И. теория символизма обретает онтологическое обоснова-

ние и законченность: подлинно реально только истинно-сущее, к-рое может открываться восприятию в опыте общения с миром явлений; отсюда путь познания — от «низшего» к «высшему», от «реального» к «реальнейшему»; в сжатом и окончательном виде теория «реалистического символизма» изложена в статье И. «Simbolismo» (*Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti*. Р., 1936. Т. 31). Поэт — орган народного самосознания, в своих постижениях он совершает восхождение по лестнице реальностей (постижения суть воспоминания, поскольку полное знание изначально дано народной душе, потенциально всегда налично в ней), и естественный долг поэта — смиренно и радостно, как не свое, раздать в «нисхождении» к людям все собранное. Весь мир, и искусство тем более, как область межличностной связи, оказывается «лесом символов». Т. о., теоретические воззрения И. представляют собой уникальное явление в культуре модернизма: в соответствии с ними развитие поэта, художника непременно предполагает помимо специальной профессиональной подготовки духовную ответственность перед собой, народом и Богом.

Лозунги новых постсимволистских школ сознавались направленными не только против символизма в целом, но и против теорий и поэтической практики И. в первую очередь. «Бунт» акмеистов был взрывом изнутри ивановской «поэтической академии», экспроприацией ж. «Аполлон» у «старшей редакции» с И. во главе. При этом единогласно высокую оценку получили книги стихов И. «Cor ardens» (М., 1911. Ч. 1–2; книга стала складываться в 1906, циклы памяти Зиновьевой-Аннибал резко увеличили ее объем и изменили композицию) и «Нежная тайна» (СПб., 1912).

Творческое развитие И. отличалось внутренней логикой, последовательностью и устойчивостью оснований поэтической системы и определяющих ее духовных координат. Четкая периодизация его поэтического развития затруднительна; более очевидна смена периодов жизненного и духовного пути И., запечатлевающих в т. ч. и в изменении функций И. — поэта, критика и публициста, ученого и мыслителя — в рус. культуре. Детство, отрочество и юность находят продолжение в затяжной фазе духовного созревания

и «келейного» (по выражению И.) становления — до нач. 1900-х гг. Затем, до нач. 10-х гг. XX в., И. оказывается одним из наиболее влиятельных деятелей лит. обновления в России, прошедшего под знаком утверждения символизма. В поэтическом плане эти 2 больших периода отражены в 3 первых книгах И., но между «Сог ardens» и «Нежной тайной» проходит водораздел. В «Кормчих звездах» отчетливо видна работа по усвоению рус. и мировой поэтической традиции — настолько интенсивная, что при анализе стихотворений этой книги почти всегда речь идет не о заимствованиях, но о сознательном претворении наследия, разрешающемся созданием качественно нового поэтического мира.

Наиболее общая особенность первых 3 книг — предельная напряженность художественной ткани, от ритмики и фоники вплоть до центрального образа — лирического «я». Напряжение вызывается резким сведением разноприродных элементов: высокой славянизированной лексики и синтаксиса — с просторечием, редких и экзотических размеров — с тривиальным фоном читательского ожидания, античной мифологии (взятой к тому же в малоизвестных вариантах) — с антиклассицистской и прозаизирующей инерцией рус. лит. процесса. Сквозная образность поэтического текста имеет героическую окраску — в ивановском пантеоне понятую сквозь романтические предания (Микеланджело, Бетховен); одна из ведущих тем — «правое» богоборчество, познание Бога в волевом усилии; другая — титаническая жизнеутверждающая и жизнестроительная страсть. В центре мира первых книг И. — «я», сознающее недостаточность, ущербность единственного существования, в борьбе с роком, с собой, с миром ищущее воссоединения с полной мировой жизни и обретающее ее в откровении чужого «я» — «ты».

В 10-х гг. XX в. на первый план в лирике И. выходят метафизические и богословские темы судеб человечества (мелопея «Человек», 1915–1919 (П., 1939)), России, истории. Самопознание «я» сосредоточивается на уяснении своей провиденциальной и благодатной укорененности в судьбах родовых (поэма «Младенчество», 1913–1918 (Пб., 1918)); написана во многом в отрицание «Возмездия» Блока с его мифологи-

ей возмездия отцам в детях). В сб. «Нежная тайна», интимно-лирическим, И. опробует опрощение поэтики, просветление и «умирение» стиля; эта художественная установка закрепляется, превращается в устойчивую стилиобразующую характеристику позднего творчества И., проходящего через фазу молчания (осознаваемого как годы покаяния — 20–30-е гг.) и завершающегося предельно — для И. — строгой, немногословной, смиренной лирикой «Римского дневника 1944 г.» (опубл. посмертно в книге И.: Свет вечерний. Оxf., 1962).

В лит. среде С.-Петербурга И. ощущал себя с нач. 10-х гг. все более одиноким (положение усугубилось тем, что многие с осуждением восприняли его женитьбу на падчерице, лично оскорбительным для И. было поведение в этой связи его близкого друга Кузмина). В 1912 г. Ивановы уехали за границу (Франция, Рим); В. К. Иванова-Шварсалон ждала ребенка, а осенью 1913 г., по возвращении, они поселились в Москве. Переселение в Москву, несомненно, объясняется также духовной эволюцией И.: ближайшей средой для него становится круг мыслителей, объединенных изд-вом М. К. Морозовой «Путь», — В. Ф. Эрн, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Гершензон, Бердяев и др. (особенно стоит его тесная дружба в эти годы с композитором А. Н. Скрябиным — см.: *Мыльникова И. А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине // ПКНО, 1983. Л., 1985. С. 88–119). И. постоянно печатается в журнале П. Б. Струве «Русская мысль». Много работает для изд-ва М. и С. Сабашниковых: переводит для него Алкея и Сафо (М., 1914), Петрарку (М., 1915), Эсхила (перевод не завершен, при жизни И. издал незначительные фрагменты; «Орестея» опубл. без подписи автора в кн.: Греческая трагедия. М., 1950). И. сыграл выдающуюся роль в становлении рус. переводческой школы; дело не в количестве и даже не в качестве его переводов, зачастую спорных; во многом к авторитету И. апеллируют теория и практика эквиметрического перевода, прежде всего античных стихотворных памятников, а затем и стихотворных произведений на новых языках.

Если в статьях 1904–1909 гг. доминирует проблема общественного и религ. самоопределения личности, то в позднейших работах И. (Бороз-

ды и меж: Опыты эстетические и критические. М., 1916; библиография рецензий частично воспроизв. в: Бюллетени лит-ры и жизни. 1916. № 5. 2-я паг. С. 69–71; см. также: *Гудони А. Н.* // Аполлон. 1916. № 9/10; *Чешихин-Ветринский В. Е.* // ВЕ. 1916. № 8), как и в лирике, на 1-й план выходит проблема единства человеческого рода, человека, неизбывно связанного со множеством др. «я», с обществом. Теория символического искусства разрабатывается как учение о судьбах общенациональных, общенародных. Закономерности общенародного искусства И. пытается открыть в наследии Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Вл. Соловьёва. В еще большей мере это относится к кн. «Родное и вселенское», составленной из публицистики военных лет (М., 1917 (на обл. 1918)) и целиком посвященной рассмотрению «судеб вселенских» (Родное и вселенское. С. 5), «угадываемых» в событиях войны и революции. Падение царской власти представлялось И. закономерным и необходимым, ибо «ветхое самодержавие» давно превратилось в «династическую диктатуру» (Там же. С. 179); И. пишет в апр. 1917 г. «Гимн Новой России» («Мир на земле, на святой Руси воля!» — Соч. Т. 4. С. 60). Однако реальное развитие событий не отвечало представлениям ивановской историософии: «Революция протекает внерелигиозно. Целостное самоопределение народное не может быть внерелигиозным. Итак, революция не выражает донныне целостного народного самоопределения» (Родное и вселенское. С. 185). Это убеждение продиктовало «Песни смутного времени» (Народоправство. 1917. № 18/19; 1918. № 23/24; ср. также ст.: Революция и самоопределение России // Там же. 1917. № 14) — цикл стихотворений, к-рый И. после колебаний не захотел печатать отдельной книгой (по словам мемуариста, И. решил, что «у постели больного не следует говорить о его болезни» — см.: *Алянский С. М.* Встречи с А. Блоком. М., 1969. С. 58).

И. не скрывал, пока это было возможно и разумно, своего неприятия большевизма, печатал антибольшевистские статьи, сатирические стихи. Однако после консолидации большевистского режима в центре он занял лояльную к власти позицию. В 1918–1920 гг. он был одним из организаторов и руководителей

Театрального и Литературного отделов Наркомпроса; это положение позволяло ему деятельно участвовать в воссоздании жизненного пространства рус. культуры, отчасти нейтрализовывать (в исторической перспективе — задерживать) установление диктата леворадикальных норм в искусстве и, главное, в организации культурной жизни. И. читал лекции и вел занятия в Пролеткульте, в различных учебных заведениях, в самодеятельных кружках и студиях.

Вокруг петроградского изд-ва «Алконост» и его ж. «Записки мечтателей» в последний раз объединяются «младшие символисты» — Блок, Андрей Белый, Ремизов. В этом изд-ве выходят поэма И. «Младенчество» (1918), трагедия «Прометей» (1919), «Переписка из двух углов» (1921, совм. с Гершензоном). На рубеже 1918 и 1919 гг. создан один из самых знаменитых циклов И. — «Зимние сонеты» (впервые опубл.: Художественное слово: Временник Лит. отдела НКП. М., 1920. Кн. 1). «Переписка из двух углов» — важнейший документ в истории общеевроп. дискуссии 20-х гг. о «кризисе европейской культуры», кризисе гуманизма; она была переведена на основные европ. языки и породила обширную критическую и исследовательскую лит-ру (см.: Соч. Т. 3. С. 807–808, а также в изд.: *Бёрд*. 2006).

Семья И. жестоко голодала в холодной Москве, в начале революции навсегда исчезает один пасынок поэта, схвачен ЧК другой, от голода и лишений умирает М. М. Замятнина, более 20 лет бывшая домоправительницей, членом семьи И., в 1920 г. умирает В. К. Иванова-Шварсалон. И. предпринимал настойчивые попытки выехать за границу, закончившиеся безрезультатно. Летом 1920 г. И. с детьми (Лидия — дочь от Зиновьевой, Димитрий — сын от В. К. Ивановой-Шварсалон) перебирается на Сев. Кавказ, затем в Баку, куда был приглашен на кафедру классической филологии. Здесь в 1921 г. он защищает докт. дис. «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923), ведет обширную культурно-просветительскую деятельность. В Баку написаны шуточная «трагикомедия» «Любовь-Мираж?» (изд. посмертно в: *Archivio italo-russo*—3. 2001), неск. стихотворений. И. приходит к выводу, что «идеи перестали править миром», что достойнее уединенная и провин-

циальная жизнь. «Муза моя, — писал он В. А. Меркурьевой, — стала молчаливицей» (РГАЛИ. Ф. 2209.1.35). И. настойчиво отвергает все дружеские приглашения в Москву: «От меня... ничего больше не ждите, моя песенка оказалась спетой. Я даже разрешил себе душевную лень», — писал он 14 янв. 1923 г. Чулкову (РГБ. Ф. 371.3.45).

Несмотря на удовлетворенность бакинским существованием, И. мечтает о выезде в Европу. В мае 1924 г. Об-во любителей российской словесности пригласило И. в Москву на пушкинские торжества. В столице И. при помощи А. В. Луначарского и О. Д. Каменевой удалось выхлопотать командировку в Италию; он вызывает из Баку детей и 28 авг. 1924 г. уезжает из Москвы, отдавая себе отчет в том, что оставляет Родину навсегда. И. никогда не формулировал причин, заставивших его эмигрировать, чаще всего он говорил о необходимости дать детям настоящее образование, что было уже невозможно в Советской России; суть дела, однако, была в том, что сам строй советской жизни в корне противоречил всем представлениям И. В первом стихотворении, написанном в Риме, И. уподобил Россию сгоревшей Трое («Мы Трои предков пламени дарим...»), а беглецов из России — спутникам благочестивого Энея, вынесшим из пламени отеческих богов.

Италия была выбрана, вероятно, не только потому, что И. любил ее больше др. краев, но и потому, что она была дальней периферией рус. эмиграции. С одной стороны, И. считал себя связанным с Москвой не только материальным содержанием, получаемым от советских учреждений, но и морально (имеются сведения, что он обещал Луначарскому политическую лояльность поведения за рубежом). С др. стороны, И. искал духовной сосредоточенности, и центральное положение в обществе, к-рое он занимал в 1905–1917 гг., претензии на духовное водительство стали для него неприемлемыми. Выбор итал. уединения был для И. выбором экзистенциальным. Советских командировочных явно было недостаточно для более или менее серьезного обустройства на чужбине. И. охотно принимает предложение сотрудничать в горьковской «Беседе», куда отдает свои «Римские сонеты», но журнал закрылся,

не успев напечатать одно из лучших произведений И.-лирика. М. Горький прочит И. в зав. поэтическим отделом нового журнала, задуманного им в целях объединения рус. интеллигенции метрополии и диаспоры, однако горьковский замысел не был принят Москвой. С периодической антисоветской эмиграции И. не считал для себя возможным сотрудничать. Каирский ун-т предложил ему кафедру, но англ. власти отказали в праве на нее ученому с советским паспортом. С осени 1926 г. И. получил работу в павийском Колледже Борромео (Almo Collegio Borromeo; должность именовалась профессорской, но обязанности И. ограничивались внеклассными, по преимуществу языковыми занятиями со студентами). И. жил в Павии до 1936 г., когда вынужден был оставить службу, достигнув предельного по итал. законам рабочего возраста. К кон. 20-х гг. в СССР вызревание большевистской диктатуры приводит к ликвидации учреждений, с к-рыми И. поддерживал связь и от к-рых получал деньги (ЦКУБУ, ГАХН). В советской пенсии ему было отказано, однако еще в нач. 30-х гг. он получает издательский заказ из Москвы на перевод для Собрания сочинений Гёте. И. тяжело переживает гонения на Церковь, ссылкой на них он объясняет свой отказ вернуться на Родину (см.: *Чарный М. Б. Ушедшие годы*. М., 1970². С. 410). В 1936 г. И., до того сохранявший советское гражданство, попросил и получил итал. подданство. С 1936 г. до смерти он живет практически безвыездно в Риме. Преподает церковнослав. язык в папских духовных школах, наблюдает за подготовкой русскоязычных переизданий Псалтири и Деяний и Посланий св. апостолов.

При том, что И. сознавал и публично утверждал, что «труднейшее постижение для русской интеллигенции... есть ясное уразумение идеи Церкви», он оговаривался, что речь идет «о понятии, или идее Церкви, как существа мистического, а не о внешней, именуемой церковною, организации, не об общественных формах вероисповедного коллектива» (Соч. Т. 3. С. 298). Вся духовная эволюция И. протекала помимо сколько-нибудь строгого подчинения церковному авторитету исключительно под влиянием собственных переживаний, осознававшихся как мистические, и напряженного свободного

богословствования. В его духовном опыте переплетались православие и древнее язычество, католицизм и теософия, антропософия и т. д. Он никогда после юношеского атеистического кризиса не отказывался от посещения время от времени церковного богослужения; подчас это было действием совершенно формальным, подчас глубоко прочувствованным и осмысленным, но только на склоне лет в Риме ему дано было стать усердным прихожанином. 17 марта 1926 г. И. перешел в католичество. По словам самого И., решение о присоединении к Римско-католической Церкви «складывалось... в течение лет тридцати» ([Письмо к сыну, Д. В. Иванову, от 10 марта 1927 г.] // Вяч. Иванов: Мат-лы и исслед. 1996. С. 18). И. добился того, что чин его присоединения к католич. Церкви был проведен без формального осуждения православия как ереси (обязательного в ту пору по канону); тем не менее в офиц. документе акт квалифицируется как «отречение». И. предствяляется, что он по примеру Вл. Соловьева и вслед ему (в переходе к-рого в католичество И. не сомневался) своим деянием восстанавливает (не только лично для себя, но и выполняя «в своем лице... долг моего народа» — Соч. Т. 3. С. 429) утраченную в XI в. полноту Вселенской Церкви, поскольку становится полноправным членом обеих Церквей — Римско-католической и Восточной Православной (см.: Шишкин. 2003); И. считал, что его присоединение к католич. Церкви не означает разрыва с правосл. Церковью, что он в результате получил возможность «дышать двумя легкими» (тогда как прежде ему казалось, что он дышит «наподобие чахоточных одним только легким» — Соч. Т. 3. С. 429; уподобление чрезвычайно понравилось Римскому папе *Иоанну Павлу II*, пользовавшемуся им постоянно, как правило без ссылки на источник).

С нач. 30-х гг. прекращается и до той поры нерегулярная переписка И. с друзьями и учениками на Родине, память о нем обрастает легендами, созвучными образу Вячеслава Великолепного и закрепленными советскими справочными изданиями, будто бы он получил кардинальскую шапку, стал директором Ватиканской б-ки, что ни в малой степени не соответствовало реалиям жизни в изгнании старого нищего рус. поэта.

Контакты И. даже с друзьями, единомышленниками, соратниками по лит. борьбе не более чем разрозненные эпизоды: он обменивается случайными письмами с Э. К. Метнером, С. Л. Франком, В. Ф. Ходасевичем, встречается с Мережковским и Гиппиус, Ф. Ф. Зелинским, когда изредка они появляются в Риме. Все это встречи исключительно личные, за ними нет общественного почина, культурной инициативы. С 1936 г. стихотворения И. регулярно печатаются в ж. «Современные записки». В 1939 г. в Париже появляется отдельное издание мелопеи «Человек», однако и это не делает И. активным участником культурной самоорганизации рус. эмиграции, каковыми были, напр., В. Ф. Ходасевич, прот. Сергей Булгаков, Бердяев. В отличие от В. В. Вейдле или Ф. А. Степуна, нашедших себе место в культурной жизни стран рус. рассеяния, И. не стал (при его безграничных языковых возможностях человека, блистательно говорившего и писавшего на нем., итал., франц., англ. языках) и представителем к.-л. инонациональной или космополитической культуры. С вниманием и пониманием к нему отнеслась европ. католич. (и не только католическая) элита — у него были встречи с Ж. Маритеном, Г. Марселем, Ш. Дю Босом, Дж. Папини, Э. Р. Курциусом, М. Бубером, он печатался в утонченных журналах — нем. «Corona», «Hochland», франц. «Vigile» и др. Но связи, органически подразумевающей совместное действие с этими лицами и группами, у И. не возникло. Причину этому нельзя предполагать ни в возрастном спаде творческой активности (И. по-прежнему работает регулярно и много), ни в кризисе лирического творчества: хотя в 20–40-х гг. поэт иногда молчит по нескол. лет кряду, «Римские сонеты» (1924–1925; Современные записки. 1936. № 62), «Римский дневник 1944 г.» (в: *Иванов Вяч.* Свет вечерний. Охф., 1962), мн. стихотворения этого периода являются вершинами рус. лирики XX в.; необычайно интересна в художественном отношении и неоконченная прозаическая «Повесть о Светомире-царевиче», над к-рой И. работал с кон. 20-х гг. до самой смерти. После 1917 г. И. в определенном смысле слова перерождается как человек общественный; новый духовный и поведенческий облик И. обретает именно в Италии. Опреде-

ляющую роль в этом облике играют углубленная церковность, бытовая, душевная и интеллектуальная, связанная с ней строгая переоценка собственной личности и жизненного пути, смиренный отказ от пророческих притязаний (в лит. плане выражающийся в значительном опрощении стиля). Дж. Папини в очерке, опубликованном незадолго до кончины И., назвал его одним из «семи стариков» (рядом с Б. Шоу, К. Гамсуном, М. Метерлинком, П. Клоделем, Ганди и А. Жидом), в лице к-рых минувший век жил еще в культурной реальности послевоенного мира, 7 великих из плеяды поэтов и мифотворцев, на ком лежала, хотя бы частично, ответственность за катастрофу XX в. (*Papini G. Santi e poeti. Firenze, 1948. P. 243–249*). Арх.: личные фонды И.: РГБ. Ф. 109; РГАЛИ. Ф. 225; ИРЛИ. Ф. 607; ИМЛИ. Ф. 55; ГПБ. Ф. 304; Личный архив Иванова в Риме (в распоряжении фонда «Convivium»). Соч.: Собр. соч. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1971–1987. 4 т.; Тантал: Трагедия // Сев. цветы Ассирийские: Альм. книгоизд. «Скорпион». М., 1905. [Вып. 4]. С. 197–245; Прометей: Трагедия. Пб., 1919; Dostoiewskij: Tragödie — Mythos — Mystik / Autorisierte übers. v. A. Kresling. Tüb., 1932; Переписка С. Л. Франка с Ивановым // Мосты. Мюнхен, 1963. Вып. 10. С. 357–369; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст.: С. С. Аверинцев; сост. и примеч.: Р. Е. Помирный. Л., 1976; Письма Иванова к Ф. Сологубу и А. Н. Чеботаревской / Публ.: А. В. Лавров // Ежег. РО ПД, 1974. Л., 1976. С. 136–150; Из переписки А. Блока с Ивановым / Публ.: Н. В. Котрелёв // ИзвОЛЯ. 1982. Т. 41. № 2. С. 163–176; Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова / Подгот. текста и коммент.: А. Шишкин // Europa Orientalis. Salerno, 1989. Т. 8. P. 481–526; Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ.: М. Вахтель // Минувшее: Ист. альм. П., 1990. Т. 10. С. 121–141; Мат-лы к истории сер. «Памятники мировой литературы» изд-ва М. и С. Сабашниковых: Пер. Вяч. Иванова из древнегреч. лириков, Эсхила, Петрарки // Книга в системе междунар. культурных связей. М., 1990. С. 127–150 [переписка Вяч. Иванова с М. В. Сабашниковым]; Die Korrespondenz zwischen V. Ivanov und K. Krumbacher / Hrsg. M. Wachtel // ZfS. 1992. Bd. 37. N. 3. S. 330–342; В. И. Иванов и Э. К. Метнер: Переписка из двух миров / Вступ. ст. и публ.: В. Сапов // Вопр. лит.-ры. М., 1994. Вып. 2. С. 307–346; Вып. 3. С. 281–317; Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / Публ.: О. А. Кузнецова // Ежег. РО ПД, 1990. СПб., 1993. С. 72–100; Дионис и прадионисийство. СПб., 1994; Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. / Сост., подгот. текста и примеч.: Р. Е. Помирный; вступ. ст.: А. Е. Барзах. СПб., 1995; Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. M. Wachtel. Mainz, 1995; Скрябин. М., 1996; *Санжарь Н. Д.* «Задирает нос выше мозга», или «Почему люди такие драки?»: Письма Н. Д. Санжарь к А. С. Суворину, Вяч. И. Иванову, А. А. Блоку и А. Серафимовичу [1902–1926 гг.] // Philologica. М.; Лондон, 1996. Т. 3.

№ 5/7. С. 313–360; А. В. Амфитеатров и В. И. Иванов: Переписка / Предисл. и публ.: Дж. Мальмстад // Минувшее: Ист. альм. М., СПб., 1997. № 22. С. 475–538; «Обнимаю вас и матерински благословляю...»: Переписка Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал с А. В. Гольштейн / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч.: А. Н. Тюрин и А. А. Городничкий // Новый мир. 1997. № 6. С. 159–189; Archivio italo-russo / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Trento, 1997. [Vol. 1]. P. 503–602; *Скалдин* А. Письма Вяч. И. Иванову / Примеч.: В. Крейда // Новый журнал. Н.-Й., 1998. № 212. С. 135–192; *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929): Неизв. мат-лы // Новое лит. обозр. 1999. № 40. С. 305–331; Selected Essays / Transl., not. R. Bird; ed., introd. M. Wachtel. Evanston (IL), 2001; Письма Вяч. Иванова к А. Чеботаревской / Публ.: А. В. Лавров // Ежег. РО ПД, 1997. СПб., 2002. С. 238–295; *Бёрд Р.*, ред. Вяч. Иванов, М. Гершензон: Переписка из двух углов. М., 2006; История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент.: Г. М. Бонгард-Левин, В. В. Котрелёв, Е. В. Ляпустина. М., 2006; Человек: [Поэма]. М., 2006; *Davidson P.* Vyacheslav Ivanov and C. M. Bowra: A Correspondence from Two Corners on Humanism. Birmingham, 2006; По звездам. Борозды и межи / Вступ. ст., сост. и примеч.: В. В. Сапов. М., 2007. Изд.: Деяния Св. Апостолов. Послания Св. Апостолов. Откровение Св. Иоанна. Рим, 1946; Псалтирь на славянском и русском языках. Рим, 1950. Пер.: *Эсхил*. Трагедии / Сопроводительные ст.: Н. И. Балашов, Д. В. Иванов, Н. В. Котрелёв и др. М., 1989. (Лит. памятники); Лира Новалиса в переложении Вяч. Иванова. Томск, 1997. Ист.: *Белый А.* Воспоминания о Блоке // Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 1. С. 123–273; № 2. С. 105–299; № 3. С. 125–310; 1923. № 4. С. 61–305; *он же*. Начало века. М.; Л., 1933; *он же*. Между двух революций. Л., 1934; *Пяст В. А.* Встречи. М., 1929; *Ходасевич В. Ф.* Здравница: Из московских восп. // Возрождение. П., 1929. № 1381; *Чулков Г. И.* Годы странствий: Из книги восп. М., 1930; *Блок А., Белый А.* Переписка / Ред., вступ. ст. и коммент.: В. Н. Орлов. М., 1940. (Летописи Гос. лит. музея; 7); *Woloshin M.* Die grüne Schlange: Lebenserinnerungen. Stuttg., 1954; *Маковский С. К.* Вяч. Иванов // *Он же*. Портреты современников. Н.-Й., 1955. С. 269–310; *Блок А. А.* Записные книжки, 1901–1920. М., 1965; *Белькинд Е. Л.* Блок и Вяч. Иванов // Блоковский сб. Тарту, 1972. Вып. 2. Тр. 2-й науч. конф. С. 365–384; *Герцык Е. К.* Воспоминания: Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, В. Иванов, М. Волошин, А. Герцык. Р., 1973; Письма О. Э. Мандельштама к В. И. Иванову / Публ.: А. А. Морозов // Зап. ОР ГБЛ. М., 1973. Вып. 34. С. 258–262; *Брюсов В. Я.* Переписка с Вяч. Ивановым: 1903–1923 / Предисл. и публ.: С. С. Гречишкин, Н. В. Котрелёв и А. В. Лавров // Лит. наследство. М., 1976. Т. 85. С. 428–545; Лит. наследство. Т. 92: А. Блок: Новые мат-лы и исслед.: В 5 кн. М., 1980–1993; *Иванова Л. В.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста, коммент.: Дж. Мальмстад. П., 1990. С. 373–389; *Котрелёв Н. В.* Из переписки Вяч. Иванова с М. Горьким: К истории ж. «Беседа» // *Еуропа Orientalis*. 1995. Т. 14. 2. P. 183–208; Лит. наследство. Т. 98: В. Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. М., 1991–1994; *Альтман М. С.* Разговоры с В. Ивановым / Сост. и подгот. текстов: В. А. Дымшиц, К. Ю. Лап-

по-Данилевский. СПб., 1995; *Белый А., Иванов-Разумник Р. В.* Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент.: А. В. Лавров и Дж. Мальмстад; подгот. текста: Т. В. Павлова. СПб., 1998; *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека: Восп. Автобиограф. проза. Из неопубл. стихов / Ред.: Н. Ф. Буданова; предисл.: Д. С. Лихачев. СПб., 1999; *Волошин М. А.* История моей души / Сост.: В. П. Купченко. М., 1999; *Кузьмин М. А.* Дневник: 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент.: Н. А. Богомолов, С. В. Шумихин. СПб., 2000; *Герцык А. К., Герцык Е. К.* Письма / Сост. и коммент.: Т. Н. Жуковская. СПб., М., 2002. Лит.: *Белый А.* Вяч. Иванов // *Русская лит-ра XX в. (1890–1910)* / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Т. 3. С. 114–149; *он же*. На перевале: Сирин ученого варварства: (По поводу кн. В. Иванова «Родное и вселенское») // Знамя труда. 1918. № 163, 170; *он же*. Поэзия слова: Пушкин. Тютчев. Баратынский. Вяч. Иванов. А. Блок. Пг., 1922; *Бердяев Н. А.* Ивановские среды // *Русская лит-ра XX в. (1890–1910)*. М., 1916. Т. 3. С. 97–100; *Зелинский Ф. Ф.* Вяч. Иванов // Там же. С. 101–113; *Ландау Г. А.* Византизм и иудей // РМ. 1923. Кн. 1/2. С. 182–219; Il Convegno. Mil., 1933/1934. Vol. 14. N 8/12 [спец. вып., посвящ. И.]; *Тарановский К. Ф.* Пчелы и осы в поэзии Мандельштама: К вопросу о влиянии Вяч. Иванова на Мандельштама // To Honor R. Jakobson: Essays on the Occasion of His 70-th Birthday, 11 Oct. 1966. The Hague; P., 1967. Vol. 3. P. 1973–1995; *Котрелёв Н. В.* Вяч. Иванов — проф. Бакинского Университета // Тр. по рус. и слав. филологии. Тарту, 1968. Вып. 11. С. 326–339. (УЗ Тартуского гос. ун-та; 209); *Бахтин М. М.* Из лекций по истории рус. лит-ры: Вяч. Иванов // *Он же*. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 374–383; *Милиц З. Г. А.* Блок и Вяч. Иванов. Ст. 1: Годы первой рус. революции // Единство и изменчивость ист.-лит. процесса. Тарту, 1982. С. 97–111. (УЗ Тартуского гос. ун-та; 604; Тр. по рус. и слав. филологии. Литературоведение); *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher* / Ed. R. L. Jackson, L. Nelson. New Haven, 1986; *Cultura e memoria: Atti del III Simp. Intern. dedicato a V. Ivanov* / A cura di F. Malcovati. Mil., 1988. 2 vol.; *Аверинцев С. С.* Системные символы в поэзии Вяч. Иванова // Контекст: Лит.-теорет. исслед. М., 1989. С. 42–57; *он же*. «Скворещицы вольных граждан...»: Вяч. Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001; *Davidson P.* The Poetic Imagination of V. Ivanov: A Russian Symbolist's Perception of Dante. Camb.; N. Y., 1989; *Брюсов В. Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манifestы, статьи, рецензии. М., 1990; *Cymborska-Leboda M.* Dramat pod znakiem Dionizosa: Myśl estetyczna a poetyka gatunków symbolistów rosyjskich. Lublin, 1992; *она же*. Эрос в творчестве Вяч. Иванова: На пути к философии любви. Томск; М., 2004; *Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge d. IV. Intern. V. Ivanov-Symp., Heidelberg, 4.–10. Sept. 1989.* Heidelberg, 1993; Вяч. Иванов: Мат-лы и публикации / Сост.: Н. В. Котрелёв. М., 1994; *Carpi G.* Mitopoiesi e ideologia: V. Ivanov teorico del simbolismo. Lucca, 1994; *Un maître de sagesse au XX siècle: V. Ivanov et son temps.* P., 1994. (Cahiers du monde russe; Vol. 35. N 1/2); *Wachtel M.* Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of V. Ivanov. Madison (Wisc.), 1994; *Корецкая И. В.* Этюды о Вяч. Иванову // *Она же*. Над страницами рус. поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 86–155; *Bobiewicz G.* Wyobrażenia poe-

tycka: W. Iwanow w kręgu sztuki. Warsz., 1995; Вяч. Иванов: Мат-лы и исслед. / Ред.: В. А. Келдыш, И. В. Корецкая. М., 1996; [Мат-лы VI Междунар. симп., посвящ. творчеству Вяч. Иванова и культуре его времени, Будапешт, 12–16 июня 1995 г. / Под ред. Л. Силард] // *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae.* Bdpst., 1996. T. 41. P. 1–376; *Ghidini M. C.* Il cerchio incantato del linguaggio: Moderno e antimoderno nel simbolismo di V. Ivanov. Mil., 1997; *Зубарев Л. Д.* Вяч. Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет // Начало: Сб. работ молодых ученых. М., 1998. Вып. 4. С. 184–216; Russian Literature. Amst., 1998. Vol. 44. N 3: Special Issue: Vjačeslav Ivanov. P. 277–388; Вяч. Иванов: Архивные мат-лы и исслед. / Отв. ред.: Л. А. Гоготишвили, А. Т. Казарян. М., 1999; *Богомолов Н. А.* Русская лит-ра нач. XX в. и оккультизм: Исслед. и мат-лы. М., 2000; *Кружков Г. М.* «Мы — двух теней скорбящая чета»: Лондонский эпизод 1899 г. по письмам Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал // Новое лит. обозр. М., 2000. № 43. С. 235–260; *Обатнин Г. В.* Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (1907–1919). М., 2000; *Dudek A.* Wiza kultury w twórczości W. Iwanowa. Kraków, 2000; Archivio italo-russo—3: Vjačeslav Ivanov: Testi inediti // A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2001; Вяч. Иванов: Творчество и судьба: [Сб. к 135-летию со дня рожд.] / Ред.-сост., предисл.: Е. А. Тахо-Годи. М., 2002; *Vjačeslav Ivanov: Poesia e Sacra Scrittura: Atti dell' VII Convegno Intern. / A cura di A. Shishkin.* Salerno, 2002. 2 vol. (Europa Orientalis; 21/1–2); Archivio italo-russo—2 / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2002. P. 141–276; Вяч. Иванов и его время: Мат-лы VII Междунар. симпозиума, Вена, 1998. Фг./М.; N. Y., 2003; *Шшишкин А. Б.* «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьёва и Вяч. Иванова // Вяч. Иванов — Петербург — мировая культура: Мат-лы Междунар. науч. конф. 9–11 сент. 2002 г. / Ред.: В. Е. Багно и др. Томск; М., 2003. С. 159–178; *Павлова Л. В.* «У каждого за плечами звери»: Символика животных в лирике Вяч. Иванова. Смоленск, 2004; *Кошечук Т. А.* Поэт — пророк и собеседник муз: О проблеме творчества в рус. поэзии и православ. миропонимании // Христианство и рус. лит-ра. Сб. 5 / Ред.: В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2006. С. 3–128; Башня Вяч. Иванова и культура Серебряного века / Отв. ред.: А. Б. Шшишкин. СПб., 2006; *Гоготишвили Л. А.* Непрямое говорение. М., 2006; *Bird R.* The Russian Prospero: The Creative World of Vyacheslav Ivanov. Madison (Wisc.), 2006. Библиогр.: *Davidson P.* Vyacheslav Ivanov: A Reference Guide. N. Y., 1996.

Н. В. Котрелёв

ИВАНОВ Йордан Николов (25.12.1871 (6.01.1872), Кюстендил — 29.07.1947, София), выдающийся болг. историк, археолог, этнограф и филолог. Окончил педагогическое уч-ще в Кюстендиле (1889), затем Высшую школу в Софии по специальности «славянская филология» (1892). В 1892–1894 гг. изучал романские языки и лит-ру в ун-те Лозанн (Швейцария). По возвращении преподавал франц. язык и лит-ру в гимназии г. Слив-